

Ганжа А.И.
к.и.н., доцент Национального
транспортного университета

Ганжа О.И.
к.и.н., старший научный сотрудник
Института истории НАН Украины

ДВА «ПУТИ» НАЦИОНАЛИЗМА В ЛИПИНСКОГО

В творческом наследии Вячеслава Липинского есть крохотное эссе, актуальность которого для нашего времени, начала третьего тысячелетия, переоценить, пожалуй, невозможно. Я имею в виду его письмо к Богдану Шемету, датированное 12 декабря 1925 года.

Наверно есть какой-то смысл в том, что некоторые исследователи (Эли Кедури, например) рассматривают идеологию национализма как «заразу позднего Просвещения» или «доктрину, изобретенную в Европе в начале XIX века». Возможно, виноват Монтескье, который своей гипотезой о «духе народов» вызвал к жизни гипотезу Г.Гегеля о существовании естественных свойств стран, которые «раз и навсегда исключают их из всемирного исторического движения» [Гегель Г. Философия истории. Соч. Т.8. — 1935. — С. 76]. И уж, конечно, виновато начало XX века с его первым мировым катарсисом 1914-1918 годов. Искать виноватых — дело неблагодарное, проще зафиксировать результат. Бурное промышленное развитие, развитие коммуникаций и деградация империй, от Германии до Китая, вызвали к жизни институализированное оформление «идеологии недовольных народов» — национализма. Ведь Ленин, Муссолини, Донцов, Сунь Ятсен, Гитлер, Салаши, Антонеску — это все звенья одной цепи. И, в результате, национализм «сегодня представляет собой легитимизирующий принцип политики и создания государств, никакой другой принцип не пользуется сопоставимой лояльностью человечества» [Смит Э. Этнические источники наций. / Политология. — М., 2004. — С. 493].

Идеология национализма в XX веке была причиной не только прихода к власти режимов (Италия, Германия, Китай), но и появления ряда новых стран в результате распада колониальной и социалистической систем. И сейчас у власти в этих странах находится именно националистически ориентированная элита.

Здесь, пожалуй, уместно вспомнить наблюдение Н.А.Бердяева, который указывал на наличие двух типов национализма: творческого, созидательного и деструктивного, разрушительного. Творческий национализм создает новые государственные модели. И, чаще всего, успешно. Большевизм Ленина, фашизм Муссолини и нацизм Гитлера подняли их страны из унижений первой мировой войны, создав своеобразные, но достаточно эффективные государственные аппараты. Если бы Адольф Шикльгрубер умер до 9 ноября 1938 года, до «ночи хрустальных витрин», он вошел бы в историю Германии как величайший

прогрессивный деятель, а не преступник. Успех националистических, по характеру, идеологий в области государственного строительства вполне закономерен. Он базируется на высокой мобилизационной способности режима в отношении массы. «Либерализм отрицал Государство во имя либерализма; фашизм подчеркивает права Государства, ...вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую» [Муссолини Б. Доктрина фашизма / В кн.: Антология мировой политической мысли. Т.2. — М., 1997. — С.161-162].

Но созидательный, государственно творящий потенциал национализма заканчивался, когда система соприкасалась с окружающей средой или с выходящими за рамки идеологии элементами государственной системы.

Политику национализма, вслед за К.Шмиттом, проще всего представить в виде понятия «политического», социального отношения «враг — друг» («свой — чужой»). «Политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода» [Шмитт К. Понятие политического. — Смоленск, 1999. — С. 47]. К.Шмитт написал это в 1928 году, а спустя пять лет в Германии был признан только один мотив — национальный. Причем в худшем его воплощении, расовом. Когда доминантой стали биологические признаки особи. Результат известен.

В сущности, к нацистской трагедии привел вариант ответа на сухой академический вопрос — «что есть «нация». Феномен политического или этнического характера? Гитлер совместил «нацию политическую» и «нацию этническую» и закончил свои дни бензиновым факелом во дворе рейхсканцелярии.

Когда-то Ю.Бромлей определил этнос «как исторически сложившуюся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе и языка), психики, а так же сознанием своего единства и отличия от других таких же общностей» [Бромлей Ю. Этнос и этнография. — М., 1973. — С. 37]. В шестой графе советского паспорта этническая принадлежность его владельца обозначалась термином «национальность». Шестой графы уже нет, но национальность осталась. В принципе, национальность — это и есть «нация этническая». Но много ли можно назвать государств, население которых состоит из представителей одной национальности? Но ведь государство — это политический термин, обобщающий все население и управление суверенной территории. В его рамках представители разных этносов столь тесно взаимодействуют друг с другом, что превращаются в совершенно новый конгломерат, порождая новую семантическую систему — «нацию политическую». Не девиантные представители этой системы считаются принадлежащими к одной нации если:

— разделяют культуру, систему идей и знаков, а так же ассоциаций, типов поведения и общения;

— когда осознают себя принадлежащими к этой нации [Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1983].

Иными словами, «нация политическая» — это с суверенное образование по осознанию, а «нация этническая» — историческое образование по происхождению. Конечно, «нация политическая», в рамках государства, порой «давит» этническую. Но и сама, в последние десятилетия, является «давимой» глобалистическими планетарными тенденциями.

Основным «призом» исторического процесса является выживание коллектива. Выживание этноса, национальности, «нации этнической» — это сохранение своей самоидентификации, своей культуры, отличающей его от подобных образований. И в этой области национализм — самый органичный, конструктивный принцип действия. Прежде всего потому, что он не только развивает самоидентификацию в каждой генерации. Он обеспечивает межпоколенную связь, сохранение идентифицирующих признаков во времени. Ведь некоторым национальностям удалось ее сохранить в течение тысячелетий — евреям, например. Хотя и у них с потерями. Из 12 ветхозаветных колен (племен) десять пропало в горниле исторического процесса.

Но основным «призом» игры политической является власть. И любая «нация этническая», как феномен существующей политической реальности, включена, в рамках государства, в эту игру. Поэтому внутреннюю политику всегда можно рассматривать в разрезе «борьбы национальностей» за власть внутри системы государства. Это вполне естественно. В современном государстве любая национальная группировка — такой же агент влияния, как и группировка промышленная, финансовая, клановая и т.д. Некоторое отличие только в том, что политическая победа обуславливает определенную преференцию для сохранения национальной самоидентификации.

Но есть и другой срез. Борьба этнической нации за политическое доминирование неизбежно вызывает борьбу внутри нее самой. Лев Гумилев сделал популярным понятие «пассионарности», т.е. способности людей к свершениям. Игра за власть — это забава пассионариев, но что делать с теми, которые хотят покоя? Именно этим вопросом задался В.Липинский. В своем письме Б.Шемету он с удивительной лапидарностью изложил свой подход к проблеме внутриукраинского взаимодействия в процессе достижения политических амбиций суверенного государственного строительства.

В.Липинский, развивая Н.Бердяева, тоже отмечал двойственность национализма — государственно-созидательную (на примере русских и англичан) и государственно-разрушительную (евреи, поляки, украинцы). Причем я сразу хочу заметить, что под «украинцами» в письме понимается то, что следует называть «украинская нация этническая».

Причина нахождения украинцев во второй группе, вроде бы, ясна. Липинский прекрасно понимал уязвимость стартовых позиций создания

независимого государства у украинцев — «нації з такими страшно слабими державними інстинктами і традиціями» [Липинский В. Национализм, патриотизм і шовінізм / В кн.: Україна: Філософський спадок століть. — К., 2000. — С. 717]. И называл украинский национализм «экстерриториальным и вероисповедным». Об экстерриториальности позже, в контексте настоящей работы гораздо интереснее тезис о вероисповедном характере национализма. Липинский противопоставляет его политическому национализму англичан. Разница между «политикой» и «верой» — в моральных принципах и терпении к инакомыслию. Мораль в политике, со времен Макиавелли — миф. Что значительно увеличивает диапазон возможных действий политика. В вере аксиологические принципы — догма, а значит шоры в политической игре. Политика рассматривает контрапозицию как неизбежную данность, предмет для переговоров и возможных компромиссов. В вере инакомыслие — ересь, подлежащая анафеме. Против такого «анафемствования» выступил Липинский.

Мы полагаем, можно сформировать два веберовских «идеальных типа», два «пути» социально-политических отношений внутри «этнической нации».

«Путь Ленина». За 11 лет до письма Липинского, В. Ленин писал: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы» [Ленин В. О национальной гордости великороссов. Соч. Т. 21. — С. 85]. В своем понимании национальной гордости Ленин вообще отказался от этнообразующего ее содержания, сводя, фактически, нацию к классу, составляющему «нацию политическую». Отсюда и потенциальная модель взаимоотношений внутри «нации»: «Нельзя защищать отечество иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества... Поскольку это минимальное зло для 9/10 населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти 9/10 населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесценивает, протитутуирует его» [Там же. — С. 86]. Иными словами, Ленин заведомо приносил часть населения страны во имя торжества политической идеи. Причем в жертву предназначалась часть «нации политической» Российской империи, те, кто в дихотомии Шмитта обозначены категорией политического: «свои». Более того, в представлении Ленина «своими» были не все, даже разделяющие коммунистические убеждения, а лишь состоящие в коммунистической партии. Такой подход Бердяев назвал «интегральным коммунизмом» [Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — Париж, 1990. — С. 220]. История показала, что «своими» были даже не все в партии, и план по жертвоприношениям был перевыполнен.

«Путь Липинского». «Национализм мусить бути опертий на любові до своїх земляків, а не на ненависті до них за те, що вони не українські націоналісти. Для Вас мусить бути ближчий український москвофіл чи

полонофіл, аніж чужинець, який Вам мав би допомогти звільнитись від Москви чи від Польщі. Ви мулите все своє почуття і весь свій розум напружити на те, щоб найти порозуміння, найти спільну політичну мову з місцевим москвофілом чи полонофілом — створити з ними разом на Українській Землі окрему державу» [Липинский В. Націоналізм, патріотизм і шовінізм / Україна: Філософський спадок століть. — К., 2000. — С. 718]. Такою формою внутрішнього взаємодіяння в рамках української нації Липинский определил как патриотизм.

Липинский не воспринимал принцип интегративности, требования обязательного участия украинцев в националистической деятельности. Более того, создателя концепции «интегрального национализма» Д.Донцова он относил к категории «...озлоблених і егоцентричних людей, які своєю безсилою злобою все творче, життєздатне на Україні від України відганятимуть» [Там само. — С.718]. Такой подход Липинский определял как «шовинизм»: национализм «на моду лавочників (жидівське гасло «свій до свого») і на моду живучих від вітарів «національної віри» інтелігентів», который обязательно приведет политическую идею Украины к гибели [Там само. — С. 719].

Как политика-стратег, конечно, Липинского можно определить как «наивного идеалиста». Хотя бы в связи с его желанием сохранить в активистах украинского государственно-созидательного процесса веру в Бога и послушание его заветам, верность, твердость, силу воли, дисциплину, рыцарственность. К тому времени уже весомо в политологии заявляла о себе теоретическая школа реализма, одним из основных требований которой был «отказ от отождествления моральных устремлений конкретного государства с универсальными моральными законами» (известный шестой принцип реализма Ганса Моргентау). Поэтому исторически более перспективным оказался «путь Ленина». И будущее украинского государственно-творящего движения оказалось связанным с «интегральным национализмом» Донцова.

Любая историко-научная теория мало чего стоит без связи с современностью. Украинский национализм, волей исторического процесса, перестал быть экстерриториальным, обрел свой суверенитет. И перед обществом опять стала проблема, поднятая в письме Липинского. Только в гораздо более сложной версии. Которая, тем не менее, им прогнозировалась.

За 65 лет до обретения Украиной самостоятельности Липинский писал: «Культурне коріння України в народі українським не глибше від коренів Русі, і коли почати грати на почуттях, на емоціях, на «національній вірі», то на Україні перемаже завжди «Союз русского народа», а не «Союз українського народу» [Там само. — С. 718]. Писано в 1925 году, и под Украиной понималась Украина советская. Это — гениальное предвидение, полностью воплотившееся в событиях 2004-2006 годов. Преодолевать последствия этих событий, конечно, опять можно «путем Ленина». То есть «фанатичними вигуками про «неньку Україну», про «рідну мову», про «ми українці!», про «клятих москвинів і ляхів» і т.п. [Там само. — С. 719];

Хотя, конечно, украинская политическая элита поумнела и Моргентау уже прочитала. Концепцию интереса, определяемого в терминах власти (а это основной признак политического реализма) — уже усвоила. И применяет в целях достижения власти. Причем применяет не совсем демократично, а, в перспективе — совсем не демократично.

Один из авторов настоящей статьи в прессе уже высказывал предположение, что Украина движется в направлении создания имперской модели государственного аппарата если под таковой понимать суверенные мультинациональные композиции, объединенные силой закона или просто силой. Это подтверждается созданием пан-идеологии, клинической боязнью федерализма, культивированием представления о «титульной нации», стремлением к созданию «поместной церкви», языковой унификации и т.д. Но «путь Ленина-Донцова» и не может вести к другим результатам, поскольку предполагает создание жестко структурированной властной вертикали, алгоритм действия которой не предусматривает множественности подходов к решению. Это не означает, что имперские модели не жизнеспособны, наоборот, они существуют веками. А некоторые государственные образования только в таком формате существовать и могут. Россия, например, в ином формате распадется на этнонациональные регионы, превратившись в зону хаоса. Это показало совсем недавнее прошлое. В. Путин это прекрасно понимает, и, выбирая между тем, что называется демократическими ценностями, и суверенитетом, выбрал второе.

Но сознательное использование «пути Ленина-Донцова» при декларированном построении демократического государства, ориентированного на формирование устойчивой «политической нации» является признаком либо базовой политологической безграмотности, либо системной политической лжи. И в таком случае, признавая дар предвидения Липинского, остается вспомнить тезис из другой его работы: «Всяка влада удержується тільки тими засобами, за допомогою яких вона почалася» [Липинський В. Покликання «варягів» чи організація хліборобів. — Відень, 1926. — С. 39].

Вікторія Ципко

асистент Національного
транспортного університету

СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ ІДЕЇ В'ЯЧЕСЛАВА ЛИПІНСЬКОГО

Актуальність теми. Значний вплив на суспільну думку на початку ХХ ст. мали ідеї державності та історичного поступу України, що висувалися провідними науковцями та громадськими і політичними діячами. Вагому роль в цьому відіграли соціально-політичні ідеї В'ячеслава Липинського